

шочта

Л.Е.Бляхер

РЕВОЛЮЦІЯ «ЗАДНІМ ЧИСЛОМ»

В февралі 2006 г. завершыўся годичны праект, прысвечаны аналізу паняцця і метафоры «рэвалюцыя» ў сучасным палітычным дыскурсе. У тэчэнне года ўдзельнікі праекта пачалі адказаць на два пытання: што такое рэвалюцыя, акрамя таго, што «верхі не могуць», а «ніжы не хочуць»? і чаму паняцця «рэвалюцыя», «рэвалюцыйны» прыбылі ў апошнія гады невероятную папулярнасць у самых розных палітычных сілах? Яшчэ пяць-шэсць гадоў назад слова «рэвалюцыя» лічыліся калі не адкрыта бранным, то, па крайняй меры, не «політкорэктным». Але сёння сітуацыя радыкальна змянілася. Атачаныя інтэлектуалы – ад Г.Павловскага да Б.Кагарліцкага – гавораць і спораць аб рэвалюцыі. Быць рэвалюцыйнерам становіцца модна. У Расіі на гэта званне прэтэндуюць НБП Э.Лімонава, антыглобалісты і многія іншыя левыя (і не вельмі левыя) рухі, цалкам адтэсненыя ад «рэвалюцыйнага знамяна» КПРФ. Нешта падобнае адбываецца і ў іншых краінах, дзе ўсе большую папулярнасць прымае вобраз Чэ Гевары. Ідэя сусветнай рэвалюцыі, казала б, пахороненая яшчэ ў сярэдзіну мінулага стагоддзя, сёння ўсплывае ў самых неадачаканых месцах.

Два разы ўдзельнікі «рэвалюцыйнага праекта», так і паводле рэвалюцыйнераў, сабраліся ў «канспіратыўнай кватэры», ролю якой з поспехам выканаў міжнародны інстытут палітыкі і культуры (п. Черкізаво Маскоўскай вобласці). Тут, з аднаго боку, ад актуальных палітычных баталій, сустрачаліся ты, каго А.Філіпов ахарактэрызаваў як «саагаворанне назіральнікаў».

Першы семінар (кастрычнік 2005 г.) праходзіў пад знакам двух рэвалюцый – кастрычніскай у Расіі і «аранжовай» на Украіне. Праблема, якую паставіў А.Окара, звучала так: як паводле змяніцца тэчэнне палітычнага працэса, каб яго назвалі рэвалюцыяй? Чаму адзін палітычны катаклізм імянуюць рэвалюцыяй, а другі, вельмі падобны, – не? Чаму, скажам, прэзідэнцкія выбары 2004 г. на Украіне сталі «рэвалюцыяй», а не менш бурныя падзеі ў Маскве ў 1991 г. – не сталі? Адказаць на гэтае пытанне паспрабаваў аўтар гэтых радкоў, прааналізаванне гісторыю метафарычных пераносаў, звязаных са словам «рэвалюцыя». Паняцце «рэвалюцыя», так і любая палітычная метафора, ўводзіцца ў палітычны дыскурс з мэтай яго дэзаўтуіраваць. У выпадку вытэснення некаторых палітычных сілах за межы палітычнага прастранства любое прымаемае імі дзеянне атрымае «імя» з выразным негатыўным значэннем. Каб «вернуцца», гэтым сіламі трэба збудоваць альтэрнатыўную класіфікацыю (Дж.Лакоф) сусветнага

политики, где именно они окажутся носителями наивысших смыслов и ценностей. Но даже на этом фоне метафора «революция» выделяется. Из всех политических понятий она, как показал Б.Межуев, обладает самой сильной «энергетикой». Еще со времен Великой французской революции в смысловой комплекс, обозначаемый этим словом, входит победоносность. Революция всегда (по определению, вошедшему в семантическую структуру термина) выступает на стороне прогресса против отжившего, мешающего развитию политического строя. Тем самым концепты «заговор», «вражда», «смута» лишаются негативного содержания, становясь «революционной борьбой». Чем более сильный негативный смысл приписывается тому или иному политическому действию, тем выше вероятность, что оно примет название «революция». Советский режим к началу 1990-х годов был дискредитирован настолько, что в слове «революция» просто не было нужды.

Своеобразие рецепции понятия «революция» в русском философском дискурсе было рассмотрено в выступлениях Б.Межуева и А.Павлова. В трактовке русских консервативных философов революция предстает некой трансцендентной силой, являющейся олицетворением погрязшей в скептицизме Европы, которой нечего противопоставить «свободе на баррикадах». Альтернативой и главным оппонентом революции выступает... Россия. Оппозиция *Россия vs революция* красной нитью проходит через отечественный политический дискурс. Согласно заключению Б.Межуева, именно она скрывалась за интернационализмом «отцов», социалистической революции в нашей стране и идеей «перманентной революции». Вместе с тем, как отметил докладчик, с начала XX столетия тяжесть оппозиции все более смещалась от России к революции. Непосредственно перед событиями 1917 г. в России почти не осталось не революционеров.

Тему «перманентной» и «мировой революции» подхватила Е.Лобза. По ее мнению, идея мировой революции была ключевой для «старых» большевиков. Европа обуржуазилась и утратила энергию преобразования, но перед этим она совершила «страшную вещь» – разбудила «Восток», который просто проглотит «Запад», если тому не будет придана дополнительная энергия. Сообщить эту энергию должна революция, топливом для которой станет Россия. Образ «пожара», от которого невозможно спастись, имманентно связан с таким восприятием революции. Интересно, что уже у следующего поколения большевиков тема «мировой революции» сходит на нет, уступая место рассуждениям о «мировом революционном движении», а позднее – о «прогрессивном человечестве». Постепенно идею революции перехватывает либерализм (глобальная демократическая революция), вызывая к жизни так наз. революции «с предикатами» («бархатная», «оранжевая», «революция роз» и т. д.). Смысл предикатов заключается в том, чтобы вытеснить из сознания представления о «революционном терроре». В противовес кровавым революциям прошлого революции «с предикатами» репрезентируют себя как бескровные.

Не меньше проблем было затронуто во время общей дискуссии, в которой, помимо основных докладчиков, приняли участие Е.Надеждина, В.Лапкин и О.Погонина. Было выделено три не вполне соотносимых смысловых комплекса: революция как метафора, придающая политическому действию «прогрессивный», победоносный оттенок; революция как понятие философии и позитивной науки, обозначающее некое «объективное» положение дел; и революция как элемент бытового дискурса и данность (люди просто знают, что идет революция). В последнем случае революция обладает особым – карнавальным – хронотопом. В отличие от «нормальной» (в трактовке Т.Куна), т. е. кабинетной, политики революция – действие площадное. Она принципиально видима. Подобно карнавалу, революция «переворачивает ценности». Трансцендентные политические ценности, находящиеся в области запредельного, «опускаются» до уровня «фамильярного контакта». Возникает возможность их оспорить и отвергнуть, учредить новые. Невыполнение революцией своей учредительной функции ведет к появлению феномена «оборванной революции».

В ходе обсуждения ситуации «славной революции» и событий октября 1917 г. был поднят вопрос: а не может ли революция быть «учреждена задним числом»? Однако поиски ответа на него были перенесены на следующий семинар.

Второй семинар, состоявшийся в феврале 2006 г., оказался более представительным по составу участников. Отличался он и большей теоретической направленностью. Тон задал А.Филиппов, предложивший свое видение революции в контексте теории социальных событий. По его мнению, в рамках сообщества тех, кто выносит суждения о политике, отчетливо выделяются «просвещенные» и «посвященные». Первые обладают статусом наблюдателей (экспертов) и умением анализировать, вторые просто знают, как принимаются политические решения, допущены к их принятию. Для сохранения статуса наблюдателя необходимо выделение особой единицы анализа – события. События связаны не казуально, а индуцируются одно другим. Однако бывают события, которые носят предельный характер и соотносены с прочими как индуцирующие, а не индуцируемые. Таковы события начала и прекращения существования (прежде всего – рождение и смерть), сакральные события и, наконец, события учредительные. К числу последних и относится революция, неизбежно учреждающая новую онтологию («новую землю и новое небо»).

Несколько иную точку зрения представил А.Магун. Ориентируясь на философскую концептуализацию понятия «революция», он трактует события 90-х годов XX столетия как революционные. Согласно его оценке, революция – это не окончание, а начало длительного процесса преобразований, которые одни только и могут привести к подлинному освобождению. Революция разрушает барьеры (стены), разделяющие конфликтующие стороны, и переводит любой социально-политический конфликт во «внутреннюю плоскость». Тем самым запускается меха-